

© Е. М. Таборисская

ИТОГ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ*

Книга Р. М. Лазарчук «К. Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий» вышла в г. Череповце. На титульном листе стоит дата ее выхода в свет — 2007 год, но тираж был отпечатан в следующем, 2008 году. Книга готовилась к юбилею — 220-летию со дня рождения поэта, чья жизнь была тесно связана с Вологодской землей. Тираж по нынешним временам немалый — 500 экземпляров, для издания научного, подготовленного и выпущенного вне Москвы и Петербурга, — даже солидный.

Строгое эlegantное оформление привлекает продуманностью пропорций, изящным шрифтом заголовка и имени автора. Имитирующий домотканый холст фон обложки хорошо гармонирует с фотографиями двух зданий. На передней стороне изображен дом священника П. Васильевского в Вологде (Советский пр., 20), в котором К. Н. Батюшков жил с 1833 по 1844 год. Обратная сторона обложки воспроизводит фотографию здания удельной конторы. Здесь располагалась квартира, где поэт провел свое последнее десятилетие (1845—1855). Работа дизайнера книги — А. С. Камыгиной достойна искренней похвалы.

Название и фотографии акцентируют краеведческий аспект издания. Но в центре книги стоит судьба и личность К. Н. Батюшкова — одной из центральной фигур в русской поэзии 1800—1810 годов, а подзаголовок «Из архивных разысканий» говорит о введении в кругозор читателя новых сведений, достоверность которых подтверждена документами. Это выводит книгу Р. М. Лазарчук далеко за рамки краеведческих штудий.

Автор исследования — доктор филол. наук Римма Михайловна Лазарчук — справедливо определила свою работу как научное издание. Р. М. Лазарчук известна в кругу коллег как один из самых взыскательных и точных фактологов, работающих с архив-

ными материалами XVIII—первой половины XIX века. Она многие годы по крупицам восстанавливала биографии и жизненные обстоятельства людей, интересных в большинстве своем только тем, что они были тесно связаны с Батюшковым, жизнь которого сложилась так трагично.

Душевная болезнь настигла Батюшкова на творческом взлете, а дальше были десятилетия, когда существование поэта можно было бы определить пушкинскими словами:

И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то, ни сё, ни житель света,
Ни призрак мертвый...

Но в отличие от пушкинского безумца Батюшкова и в годы его сознательной, творческой жизни, и в годы болезни окружали близкие люди, прежде всего — семья. И Р. М. Лазарчук по крохам — факт за фактом, свидетельство за свидетельством — накапливала материалы, чтобы и специалисты, и рядовые читатели, неравнодушные к поэзии (и к поэзии Батюшкова в частности), могли составить объективное мнение о тех, кто был рядом с ним с детских лет и до кончины. Окружение Батюшкова, как показывает автор, тесно связано с Вологдой и Вологодским краем.

Книга включает ряд очерков, большая часть которых посвящена конкретным людям, в первую очередь родным поэта: это отец, мать, сестры Батюшкова и их семья, его племянник Г. А. Гревенс. Два этюда повествуют о вологодских врачах, лечивших поэта. Остальные — о местах, имеющих отношение к его жизни в Вологде и вологодском крае. Поскольку издание научное, в нем значительную роль играют вспомогательные разделы, т. е. аппарат книги. Прежде всего это указатели. В указателе, именуемом «Сокращения названий архивов, музеев, библиотек, научных учреждений» (с. 329), перечислены учреждения, в которых автор книги вела свои архивные разыскания. Здесь и государственные архивы РГАДА, РГАЛИ,

* Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец: Порт — Апрель, 2007. 334 с.

РГВИА, и Рукописный отдел Пушкинского Дома, и областные архивы Вологды, Твери, Ярославля, и архивы-хранилища музеев Устюга, и многие, многие другие.

Второе приложение — именной указатель, подготовленный коллегой Р. М. Лазарчук — З. В. Лукичевой. Он занимает 11 страниц и сделан чрезвычайно тщательно. Р. М. Лазарчук принимала самое деятельное участие в подготовке и выпуске книги, и ее требовательная заинтересованность благотворно сказалась на качестве издания.

Автор ясно понимает, что пишет не монографию, а серию очерков, но в совокупности они раскрывают единый замысел, поэтому здесь так уместны разделы *Введение* и *Заключение*, придающие книге если не целостность, то целенаправленность.

Композицию книги «К. Н. Батюшков и Вологодский край» хочется назвать кольцевой. Первый за Введением очерк называется «Где же прошло детство К. Н. Батюшкова? (О достоверности и доказательности биографических исследований)». Два завершающих очерка — «Усадьба Бердяевых-Батюшковых в сельце Хантанове Пошехонского уезда Ярославской губернии (опыт исторической реконструкции)» и «Из истории одного мифа (Вологодские адреса К. Н. Батюшкова)» корреспондируют с начальным, поскольку речь в них идет о местах, связанных с Батюшковым. Это важный в краеведческой и биографической литературе пространственный (локальный) аспект, и в то же время между первым и последним очерками возникает перекличка иного рода. В очерке, открывающем основную часть книги, поставлен вопрос о достоверности и доказательности исследований, призванных уяснить те или иные факты и обстоятельства жизни того или иного человека (в данном случае Батюшкова), в заключительном разделе Р. М. Лазарчук предлагает пример, когда кропотливо восстановленные факты снимают противоречие в легендарных (мифологических) эпизодах биографии поэта.

Одиннадцать остальных очерков носят персональный характер. Автор пишет о родителях поэта, каждому из них посвящая отдельный очерк. Портрет отца, создаваемый в книге, не просто совокупность фактов, относящихся к Николаю Львовичу Батюшкову, а попытка дать ответ, во-первых, на вопрос, поставленный в сочинениях самого К. Н. Батюшкова, в которых присутствует *концепция домашнего воспитания*, а во-вторых, — осветить отношения поэта с отцом. Р. М. Лазарчук справедливо считает, что эти отношения стали уже в 1980-е годы осознаваться как *проблема* биографии поэта, и ее очерк позволяет во многом уяснить и облик Батюшкова-старшего, и его роль в формировании личности Константина Николаевича. Ведь Николай Львович после смерти жены (будущему поэту тогда не было и восьми лет) стал единственным родителем осиротевших детей.

В поле зрения исследовательницы попадают сведения, касающиеся родословной Н. Л. Батюшкова, его родственных связей, столь важных в конце XVIII—начале XIX века. Р. М. Лазарчук шаг за шагом прослеживает продвижение по службе отца поэта, сложности, мешавшие его карьере, историю второго брака, влияние второй семьи отца на детей и особенно на взаимоотношения Константина Николаевича с младшими детьми отца.

Такая же тщательная и многосторонняя работа, проделанная автором книги, отражена и в главах, посвященных матери поэта, его сестрам, племяннику Григорию Абрамовичу Гревенсу. Скрупулезное изучение фактов позволяет Р. М. Лазарчук показать многообразные связи К. Н. Батюшкова с его родственниками и со стороны отца, и со стороны матери, уточнить имущественное положение поэта. «Незримое попечение и поддержку» своей рано умершей матери, пишет автор, Константин Николаевич «ощущал в течение всей своей жизни». Прежде всего, по его собственным словам, «благодаря матушке», он «имел кусок хлеба и независимое состояние», и далее Р. М. Лазарчук перечисляет имения, доставшиеся поэту после раздела имущества А. Г. Батюшковой: «сельцо Межки Вологодского уезда с деревнями Авдотьино, Михалка, Чернухино; сельцо Воздвиженское Вологодского уезда Угольской волости с деревнями Павликово, Строкино, Глуповское, Михайловское, Рыково, Ракач, Соболево, Гороховская, Макарьно, Ковшово, Васильевская, Низкие и Рылово, в которых числилось (по сведениям 1825 года) 325 душ мужского пола и 308 женского» (с. 105).

Почти половина главы о А. Г. Батюшковой посвящена ее родственникам и их судьбам, многие из которых любопытны и сами по себе, поскольку дают конкретное представление о провинциальной дворянской натуре, интересах и занятиях вологодских дворян последней трети XVIII—первых десятилетий XIX века, в том числе (и прежде всего) о занятиях литературой.

Например, Р. М. Лазарчук анализирует литературные штудии Платона Аполлоновича Соколова, приехавшегося поэту двоюродным дядей по материнской линии (с. 109). Она говорит не только об учебном пособии по фортификации, которые написал, но скорее перевел сержант лейб-гвардии Семеновского полка Платон Соколов в самом начале 1780-х годов (пособие вышло в Петербурге в 1781 году), но и о его переводе рассказа П. Ж-Б Нугаре «Страсть молодого человека, или Разные дурачества» (опубликован в том же 1781 году и повторно напечатан в 1782-м). Касаясь этого перевода, исследовательница пишет о роли стихотворных вставок, которые отражали позицию переводчика.

Так в книге начинается жить время не только в его общечеловечности к поэту, но и в бо-

лее широком историко-культурном плане. Автор вовсе не стремится к апологии русской дворянской культуры батюшковской эпохи, но справедливо утверждает, что эта культура была и о ней надо знать, ее нужно помнить.

Пафос узнавания и восстановления культурно-исторических связей поддержан в книге Р. М. Лазарчук воссозданием атмосферы любви и почитания семейных уз, свойственной ее героям. Р. М. Лазарчук умеет обходиться без напыщенных интонаций и громких фраз. Она приводит поговорку: «Родство любви счесть и воздай ему честь» — и продолжает: «...эту заповедь в то время помнили» (с. 105), а на с. 115 пишет: «Высокоразвитое чувство родовой памяти не единственная фамильная черта Соколовых. Двоюродные дядюшки и тетушки К. Батюшкова и его сестер были бесконечно добры к своим племянникам». И на протяжении книги «мысль семейная» развертывается в череду примеров заботы, готовности прийти на помощь, почти жертвенной любви к родным, верности родственному долгу. Этот аспект книги Р. М. Лазарчук заставляет вспомнить об исконной гуманности русской литературы и шире — о гуманности вообще.

Повествование о семье, столь расходящееся с грибоедовской сатирической формулой «ну, как не порадеть родному человечку», вовсе не ведет автора к сентиментальному умилению перед нравственными устоями двухвековой давности. В главе, посвященной Александре Николаевне Батюшковой, сестре поэта, как, впрочем, и в других, где речь идет о его сестрах, их семьях и судьбах, эта установка подтверждается конкретикой документальных свидетельств, позволяющих и запечатлеть отношения между братом и сестрами Батюшковыми, и увидеть не только общие, но и индивидуальные черты в людях одного поколения, одной семьи. Глава об Александре Николаевне Батюшковой — примечательный опыт реконструкции судьбы и, я бы сказала, личности женщины, достаточно рядовой по склонностям, способностям, занятиям и вместе с тем исключительной по силе привязанности к брату, жертвенной самоотдаче ему, его интересам. Материалом для реконструкции стали письма поэта к сестре 1806—1819 годов. Такой подход позволил включить в книгу двоянный психологический портрет адресата и адресанта. Багюшков пишет сестре о себе, своих успехах (история написания «маленькой драмы для праздника в Павловском», с. 124), среди «домашних тем» находится место для признания в страстном увлечении немецким языком и немецкой литературой (в Германии поэт оказался во время антинаполеоновского «похода») и горячей просьбе беречь его книги. Сестре рисует К. Батюшков достоинства предполагаемой (воображаемой) невесты, ей дает советы и наставления по содержанию дома, перед ней кается, что до отставки не может покинуть Москвы, чтобы разделить

труды и хлопоты Александры Николаевны по имению, для нее выдвигает программу воспитания младшей сестры Юлии (дочери отца от второго брака).

Р. М. Лазарчук выступает здесь как тонкий психолог, она обращается не только к непосредственным фактам, отраженным в том или ином письме, но и к интонациям поэта, передающим его настроения, и к моментам его биографии, эти настроения мотивирующим.

Такого рода реконструкции присутствуют и в других очерках-главах книги, придавая ей внутреннюю цельность и свидетельствуя о высоком профессионализме автора.

В книге «Батюшков и Вологодский край» привлекает стремление исследовательницы всесторонне осветить связи Батюшкова с Вологдой и Вологодчиной. Чрезвычайно интересен очерк об усадьбе Бердяевых-Батюшковых в сельце Хантанове Пошехонского уезда Ярославской губернии. В подзаголовке отмечено — «опыт исторической реконструкции». Этот раздел сочетает в себе непоказной лиризм (см. эпиграф из Паустовского и первые строки авторского текста), настойчивое желание фактолога-архивиста воссоздать хотя бы в воображении усадьбу, в которой были написаны «Видение на берегах Леты», «Мои Пенаты», «Беседка муз», «Умирающий Тасс», где были подготовлены к печати «Опыты в стихах и прозе». Очерк о Хантанове начинается жестким утверждением: «От Хантанова... не осталось ничего: ни господского дома, ни хозяйственных построек или каких-то следов их бывшего существования — развалин, фундамента, ни вековых деревьев. Навсегда утрачен исторический ландшафт. Он пострадал дважды: в 1941—1947 годах, когда часть хантановских земель была затоплена водами Рыбинского водохранилища, и в 1974-м, когда распахали огромный холм, на котором некогда стоял дом, окруженный садом. От барской усадьбы в Хантанове остался лишь пруд» (с. 271—273).

А затем на многих страницах шаг за шагом восстанавливается облик Хантанова. Р. М. Лазарчук предельно аккуратна в своей работе, всякий раз указывая на степень достоверности источников, на которые можно опереться. Она говорит об изученных ею документах, например об «Охранительной описи движимого имения...», оставшегося после смерти Варвары Николаевны Соколовой (этой описи посвящена специальная статья Р. М. Лазарчук), о публикациях материалов и об исследованиях В. А. Кошелева и В. Д. Чусовой. Она ссылается на свидетельство жителей Хантанова, помнящих усадебный сад перед Отечественной войной, т. е. в конце 1930-х годов, подчеркивая их большую ценность по сравнению с воспоминаниями хантановских крестьян более позднего времени, «в достоверности которых у нас уже была возможность усомниться» (с. 273).

Основным источником хантановской реконструкции для автора стали письма поэта, но в очерк входит и история владения Хантановым, поскольку Р. М. Лазарчук справедливо полагает, что именно эта история становится сюжетным и композиционным центром данного раздела книги.

И здесь автор верна себе, обращаясь к вопросу о возникновении и возрасте усадьбы. Ответ на этот вопрос она ищет в родословной матери поэта А. Г. Батюшковой, урожденной Бердяевой, гипотетически воспроизводя порядок наследования Хантанова со второй половины XVII века до конца 1770-х годов. Р. М. Лазарчук делает читателя своеобразным соратником и единомышленником в своих поисках и умозаключениях. Проследив последовательность смены владельцев пошехонского имения вплоть до 1774 года, когда в пошехонских имениях жил дед поэта по матери, она констатирует: «Цепочка фактов, добытых нами на этом этапе исследования, замкнулась. Но насколько убедительны наши построения? Почему „пошехонское имение“ Г. Бердяева должно непременно означать Хантаново?» (с. 277), и расследование продолжается уже в новом направлении. Это принцип работы автора, сознательно выбранный и настойчиво продуманный в ее статьях и книгах. Не случайно в главе о Хантанове приводится мысль Д. С. Лихачева: «Гипотезы в литературоведении становятся фактами постепенно, через дополнительные наблюдения, через открытие какого-либо доказывающего документа» (с. 278).

И эти документы, за которыми стоят годы архивной работы, Р. М. Лазарчук последовательно делает достоянием читателя. Достаточно посмотреть сноски на с. 279, где речь идет о вариантах названия сельца, ставшего имением девиц Александры и Варвары Батюшковых, чтобы убедиться, что все варианты топонима проведены по всем документальным источникам начала XIX века, среди которых «Алфавит селений и дачам Пошехонского уезду...», «Экономическое примечание Пошехонского уезда», «Список населенных мест Ярославской губернии». И такая тщательность проверок и перепроверок документальных свидетельств — характерная черта всей книги Р. М. Лазарчук. Например, обращаясь к истории создания «образцового парка» в Хантанове, автор книги утверждает, что участие в закладке и планировке парка «пленных французов», и в том числе «пленного французского офицера по фамилии Мюджер» — паркостроителя и профессионального садовода, документами не подтверждается (с. 288).

Столь же вдумчиво и аккуратно работает Р. М. Лазарчук со словом, несущим отчетливую временную семантику. На с. 288—289 она пишет: «Нет в эпистолярной поэзии и его сестер слова *парк*, оно не встречается в документах того времени и не зафиксировано словарями конца XVIII века. Английскому *парк*

в России предпочитают русское *сад*. Хантаново не было исключением. И здесь говорили *сад*».

Объем новых данных для биографии поэта — основное достоинство рецензируемого труда. Особо надо отметить две главы, посвященные докторам, которые лечили Батюшкова в Вологде. Эти сведения, казалось бы, более интересны историкам медицины, чем литературоведам, но биография Батюшкова — случай особый, и медики в его жизни играли немалую роль, хотя не в их силах было вернуть поэту здравый разум и душевное равновесие.

Подкупает постоянное, очень личное, хочется сказать, любовное отношение автора ко всему, с чем связана ее работа. В книге несомненно искреннее внимание к судьбам множества людей, окружавших Батюшкова, особая теплота в обрисовке проявления родственных связей и чувств. Вместе с тем жесткий самоконтроль во всем, что касается достоверности излагаемых фактов и гипотез, придает исследованию Р. М. Лазарчук какую-то самоочевидную оригинальность, «лица вообще выражение». Герои книги становятся почти личными знакомыми читателя, которому хочется входить в подробности и искать объяснения многочисленным лакунам, возникающим то там, то сям и так отмеченным автором: «...тут нет документов, тут — область гипотез и догадок».

Особо надо сказать об иллюстративном материале, широко и многообразно представленном в книге Р. М. Лазарчук. Прежде всего это иллюстрации на вкладке между с. 160 и 161: два портрета К. Н. Батюшкова — широко известный рисунок О. Кипренского (1815) и портрет поэта, выполненный неизвестным художником в 1853 году; следующий разворот занимают портреты деда и отца поэта Л. А. и Н. Л. Батюшковых и его сестер — Е. Н. Шпиловой и В. Н. Соколовой — акварели А. И. Ягодникова, сделанные на рубеже 1840—1850-х годов. На вкладке также представлена фотография мемориальной доски на доме П. В. Васильевского, открытая в 2005 году, и рядом фото прапраправнучки Г. А. Гревенса (племянника поэта) В. В. Ильинской. Обе фотографии сделаны 19 июля 2005 года, когда состоялось торжественное открытие мемориальной доски. Копии документов и фотографий мест, связанных с поэтом и его родными, хорошо соотносятся с текстовым набором и сделаны настолько четко, что их без напряжения можно читать, как говорится, с листа. Фотокопии с документов, среди которых есть и автографы самого Батюшкова, заказывала и отбирала автор книги, а над их компоновкой и версткой работала дизайнер А. С. Камыгина. Иллюстративный материал расширяет и конкретизирует впечатление, полученное от чтения, и свидетельствует о высокой культуре коллектива, работавшего над изданием книги «К. Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий».

Остается только поблагодарить всех, кто причастен к появлению этого внешне скромного, но очень содержательного изда-

ния и пожелать Р. М. Лазарчук успехов в ее архивных поисках. Читатель ждет ее новых, таких нужных и интересных книг.